Линьнань в древности был местом ссылки.

Отец Хэ Линьнаня был неграмотным, поэтому он попросил деревенского предсказателя судьбы дать сыну имя. Сначала отцу оно казалось очень благозвучным, и он вручил предсказателю щедрый красный конверт.

Когда же выяснилось, что Линьнань — вовсе не счастливое название, предсказатель давно покинул деревню и отправился в город за богатством. Отец пытался подобрать сыну другое, более удачное имя, ломал голову несколько лет, но так и не придумал ничего до самой смерти.

И отца было не в чем винить: он скончался, когда ему едва исполнилось тридцать.

С того момента, как Хэ Линьнань впервые отправился в городской психоневрологический диспансер, и до дня, когда он увидел в медицинском заключении диагноз шизофрения, он не переставал думать, что имя Хэ Линьнань подходит ему как нельзя лучше.

Те древние преступники были заперты в Линьнане, в этой далекой глуши, а он сам оказался заперт в самой маленькой ссыльной тюрьме на свете — в собственном теле.

Исходя из этого, Хэ Линьнань сделал вывод, что неграмотные люди приносят лишь одни неприятности — будь то его собственный покойный отец или тот Сяо Маньцзы из воспоминаний восьмилетней давности.

Впрочем, если говорить строго, Сяо Маньцзы вовсе не был неграмотным — он просто не знал китайских иероглифов, ведь китайский язык не был его родным.

Хэ Линьнань вытащил из нагрудной сумочки кошелек, расстегнул единственное отделение на молнии и медленно извлек оттуда входной билет. Красный билет, без единого заломленного уголка или складки — такой свежий, словно его только что отпечатали.

Билет на триста одиннадцатый турнир по смешанным единоборствам TAS в Новой Тити.

Отдав за него тысячу восемьсот юаней, Хэ Линьнань чувствовал, как у него кровь с сердцем обливаются: Сяо Маньцзы теперь был гремящей на всю округу звездой боёв, и чтобы посмотреть его выступление, пришлось выложить кругленькую сумму за билет на трибуну, расположенную чертовски далеко от восьмиугольной клетки.

Хэ Линьнань тихо цыкнул, запихнул билет обратно в кошелек, а кошелек вернул в сумку. Стоило ему опустить его внутрь, как телефон в сумке залился громким трезвоном.

Достав смартфон, он увидел, что звонит его начальник — хуацяо, владеющий фотостудией в Новой Тити.

Этот край находился близ экватора, славился морем и тропическими лесами, круглый год здесь ходили в футболках, а цены приятно удивляли, поэтому множество европейских туристов приезжали сюда за свадебной фотосессией.

Проведя пальцем по экрану, чтобы принять вызов, он произнес «алло», как в ту же секунду на него обрушился яростный поток брани с другого конца линии: — Какого чёрта происходит?! Клиенты уже наложили макияж, заставляют себя ждать! Ты, мать твою, вообще собираешься работать?!

Ощущение было такое, будто лицо забрызгало зловонной слюной прямо через телефонную трубку. Хэ Линьнань отнял гаджет от уха, бросил взгляд на время в верхнем углу экрана, а затем снова поднес телефон к лицу и ответил: — Мы же договаривались на семь вечера, разве до него еще не полчаса?

— Еще полчаса?! — начальник разозлился еще сильнее, и Хэ Линьнань даже испугался, что тот сейчас задохнется от злости. — Ты еще и права качаешь?! Припираешься впритык каждый божий день, неужто трудно явиться раньше заказчиков? Говорю тебе прямо: десять минут. Ровно десять минут. Если не придешь, можешь катиться на все четыре стороны! Местные фотографы и работают лучше тебя, и берут вдвое дешевле!

Хэ Линьнань глубоко вздохнул и произнес: — Прошу прощения, я буду как можно скорее.

Он крутанулся на месте и побежал к другой улице, бросив беглый взгляд на вычурные завитки новотитийской письменности на каменной арке у входа.

Изначально он планировал обойти эту улицу стороной, чтобы добраться до студии, но теперь оставалось только срезать путь.

Было еще нет семи вечера, и лавки на улице только открывались.

Хотя до часа пик было далеко, быстро пройти здесь все равно не получалось: по обеим сторонам прохода крутились зазывалы, а на некоторых участках улочка сужалась настолько, что вокруг толпились сплошные тела и тянулись чужие руки.

Какая-то рука ухватила Хэ Линьнаня за поясницу, а затем крепко сжала его локоть.

Он оглянулся и увидел заросшего бородой иностранца, который пялился на него в упор с невероятно сальной ухмылкой.

— Я не продаюсь, — произнес он по-английски.

Иностранец на секунду растерялся, но хватку лишь усилил: — О цене мы можем договориться…

Понимания добиться не удавалось, и Хэ Линьнань изо всех сил дернул руку, вырывая ее из захвата. Иностранец потерял равновесие и шлепнулся на задницу, а Хэ Линьнань воспользовался моментом, чтобы нырнуть в толпу и двинуться дальше. Сзади донеслись ругательства иностранца, но он не оглядывался, прибавив шагу настолько, насколько это было возможно.

Эту улицу туристы называли Утиной: название говорило само за себя, ведь весь квартал промышлял именно этим ремеслом. Хотя в Новой Тити подобные услуги официально запрещались, запреты запретами, а индустрия процветала как и прежде.

К счастью, улица оказалась не слишком длинной. Заметив впереди просвет и меньше народу, Хэ Линьнань перешел на легкий бег, но стоило ему почти выбраться из переулка, как из бокового прохода выскочила пестрая фигура и сзади хлопнула его по плечу.

Хэ Линьнань подумал, что это снова тот иностранец, и недовольно поморщился, поворачивая голову: — Сказал же, не продаюсь...

Небо уже полностью погрузилось во тьму, и на него падали отсветы неоновых вывесок из магазинов. Рассмотрев лицо человека, который хлопнул его по плечу, Хэ Линьнань нахмурился еще сильнее: — Тебе чего?

— Всё еще не продается? — этот парень вырядился в кричащую цветастую рубашку, растянул губы в усмешке и воззрился на Хэ Линьнаня прищуренными глазами, полными издевки. — Десяток лет назад ты, глядишь, еще мог бы сбыть себя по приличной цене, но сейчас в этой сфере бешеная конкуренция. Тебе уже тридцать, кому ты, чёрт побери, нужен?

Хэ Линьнань молча кивнул, сочтя этого типа редкостной поганью. Тратить время на перепалки с подобным ублюдком ему не хотелось, поэтому он натянул на лицо кислую улыбку: — Верно. Если вы больше ни по какому делу, мне пора в студию. Как соберетесь на фотосессию, обязательно заглядывайте ко мне.

— Какую тебе мать фотосессию... — Глазки-пуговки цветастой рубашки забегали туда-сюда. Парень не стал сразу срываться на крик, лишь расплылся в улыбке еще шире, отчего жировые складки на его лице собрались в гармошку. — А господин фотограф нынче неплохо зарабатывает, а? Не подкинешь ли десятку тысяч на цветочки?

— Ладно, — с легкостью согласился Хэ Линьнань. — Назови любой перекресток, я сегодня же сожгу их для тебя.

— Сукин сын! — брови цветастой рубашки взлетели вверх. — Посмотри на эту физиономию! Разве было так же, когда ты умолял моего братца одолжить денег, потому что тебе не хватало на операцию для сестры? Как там она называлась? Шунтирование сердца?

Услышать из этих уст столь медицинский термин, как шунтирование сердца, было уже

достижением, хотя диагноз прозвучал неверно — у его сестры был врожденный порок сердца.

Хэ Линьнань не стал его поправлять. В упор глядя на собеседника, он произнес: — Двадцать процентов ежемесячно. Я закрыл долг в прошлом месяце, чего тебе еще надо?

— Похоже, господин фотограф подзабыл здешние порядки. Проценты выплачены, но ведь есть еще и проценты на проценты, верно? — Цветастая рубашка подняла руку и почесала веко, моргая пару раз так, что крупный комок засохшего гноя в уголке глаза стал виден во всей красе. — Я человек не злой, давай по десятке тысяч в месяц, идет?

От парня разило отвратительным тухлым перегаром и марихуаной. Хэ Линьнань бросил взгляд на время в телефоне — те самые десять минут, о которых он договаривался с хозяином студии, уже истекли. Терять время больше было нельзя, и он прямо отрезал: — Твой брат в курсе, что ты тут занимаешься самодеятельностью и требуешь лишнего?

— Вспоминаешь моего брата?

В окружении нескольких подручных цветастой рубашке стало стыдно задевать за живое на глазах у всех. Он засучил рукава и с размаху запустил кулак прямо в лицо Хэ Линьнаню: — Да ты кого пугаешь!

Хэ Линьнань насторожился еще в тот момент, когда тот начал закатывать рукава. Заметив удар, он отклонился назад, уходя от кулака, и вовсе не собирался ввязываться в драку с этим ублюдком: широко шагнув, он просто припустил вперед по улице. Стоило ему выскочить из Утиной улицы и оглянуться, как за ним уже гналась ватага из семи-восьми человек.

Парня в цветастой рубашке звали Краб. Восемь лет назад, когда он работал вышибалой на побегушках, Хэ Линьнань прописал ему сокрушительный удар ногой прямо в пах; поговаривали, что с тех пор у Краба остался хронический недуг, из-за чего он все эти годы то открыто, то исподтишка пакостил Хэ Линьнаню.

До фотостудии, где он подрабатывал, оставалось метров пятьдесят. Но кроме парочки молоденьких визажисток, в здании дежурил лишь семидесятилетний сторож. Если привести эту шайку ростовщиков туда, они не только не смогут ничем помочь, но еще и смертельно перепугают девчонок.

Поэтому, проскочив мимо входа в студию, Хэ Линьнань резко свернул и бросился в другой переулок.

Однако разве мог он тягаться в знании местных закоулков с этими бандитами? Спустя двадцать минут облавы и преследования его загнали в тупик.

Ночная температура в Новой Тити ничем не отличалась от дневной: воздух был обжигающе-

горячим, словно порывы ветра несло из сломанного кондиционера, который уже невозможно починить.

Ветерок этот приносил с собой удушливый запах мочи, от которого резало глаза — трудно было представить, сколько людей использовали этот глухой тупик вместо общественной уборной.

Кулаки подельников Краба оставили на его лице несколько синяков. Фонарей рядом не было, и в кромешной тьме перед глазами заплясали искры. Хэ Линьнань осел на землю, обхватив голову руками. Краб сорвал с его плеча сумку, и пока Хэ Линьнань приходил в себя, а зрение возвращалось к норме, он поднял взгляд на свои вещи.

Первой на землю полетела флешка — та самая, с отснятым материалом для клиентов. Хозяин велел сначала обработать снимки в фотошопе и только потом показывать заказчикам, чтобы те выбрали побольше кадров и купили побольше рамок с альбомами.

Затем последовал кошелек. Краб порылся в нем и разразился руганью.

В кошельке не нашлось даже мелочи: днем на уличных лотках к нему подошли мальчик с сестренкой, просившие милостыню, и Хэ Линьнань отдал им всю наличку, что была при нем.

Молния на внутреннем отделении была расстегнута, и Краб вытащил оттуда билет. Раздался тихий звук «чик» — бегунок зацепил край билета, оставив на нем рваный разрез длиной в пол-пальца.

Сердце Хэ Линьнаня тяжело ухнуло вниз, а пальцы рефлекторно сжались в кулаки.

Впрочем, этим всё и ограничилось — лишь сжатыми кулаками. Стиснув зубы, он продолжал лежать на земле: ему было нельзя вступать в открытый конфликт с местными бандитами. Срок его рабочей визы подходил к концу, а начальник тянул резину и не спешил оформлять документы. Стоило ему загреметь в полицейский участок, как над ним нависнет угроза депортации.

У него была причина оставаться в Новой Тити, чего бы это ни стоило.

— Всё пялишься? — Краб присел на корточки и отвесил Хэ Линьнаню звонкую пощечину. Ударив дважды и, видимо, не дождавшись никакой яркой реакции, он тяжело вздохнул.

— Ты ведь несколько лет назад ездил снимать животных в глухие африканские пустыни, да? Говорят, ты даже документалку когда-то снял, получившую премию. Знаменитый фотограф, ты же по идее должен быть богат? Разве я прошу много, требуя десятку тысяч? Давай так: я пойду на уступки. Если в начале месяца у тебя водятся деньги — отдаешь мне тогда. Если туго с финансами — буду забирать долг в конце месяца. По рукам?

Хэ Линьнань молчал.

http://bllate.org/book/34412/4242622